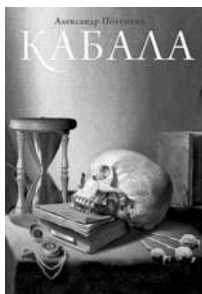

А.П. Потёмкин «Прозрения одиночества»,
М., ООО «НП ЦТ «Беловодье», 2021 г.

Вот в чём загвоздка: я уже не раз писал о творчестве нашего писателя-парадоксалиста А. Потёмкина, полемизировал с его критиками, преимущественно авторами предисловий или послесловий его книг. Наверное, автор прав, утверждая, что «почти все каналы телевидения заполнены примитивными песнями и танцами, пошлыми фильмами, однотипными марионетками из шоу-бизнеса. Полемике по актуальным вопросам жизни в эфире и прессе нет, вопросы науки на публичные площадки не выносятся» (стр. 116). Может быть поэтому «на публичные площадки», в общем-то, не часто выносятся обсуждения творчества А. Потёмкина. И для этого есть вполне определённые причины.

Главная из них — это ясный, бескомпромиссный анализ существующей в наше время экономической и социальной структуры, которому наш автор посвятил свою «Экономическую трилогию»: «Виртуальная экономика» (2000 г.), «Элитная экономика» (2002 г.) и «Бюрократическая экономика» (2006 г.). Мы не будем рассматривать эти сочинения, но важно сказать, что их содержание в литературно-публицистической форме выражено в романах А. Потёмкина «Человек отменяется», «Кабала» и, наконец, «Прозрения одиночества».

А. Потёмкин, как об этом неоднократно говорилось, писатель-парадоксалист, и это правда. В особенности это относится к его последнему роману. Строго говоря, его так называемые романы — это публицистические трактаты, так или иначе облечённые в язвительно-сатирическую художественную форму. В принципе в русской литературе это не такая уж новация — легко вспоминаются «Что делать?» Чернышевского или «История одного города» Салтыкова-Щедрина. Эти авторы — прирождённые сатирики. Видимо, таков и Александр Потёмкин. Судя по всему, совмещать сатирическое перо с внушительным счётом в банке, как у А. Потёмкина, — это неплохо. Хотя Салтыков-Щедрин был вице-губернатором, но даже Ленин его нахваливал. Но это к слову.

Главный герой романа «Прозрения одиночества» носит славную со времён Ф.М. Достоевского фамилию Мышкин. Он заключён в тенета одиночества, погружён в бездну самопознания и — вдруг! — выходит на связь (или как теперь говорится, вступает «в контакт») с некой нечистой силой, именующей себя «старостой микробов» по имени САРО (по-итальянски: шеф, начальник, вожак). В конце романа этот «староста микробов» уговаривает Д. Мышкина превратиться в микроб и, тем самым, выйти за пределы примитивного человечества, окунуться в бездны пространства и времени (микробы живут там миллионы лет), что позволит ему познать смысл жизни.

Все эти шуточные рассуждения излюбленные «критики» принимают за чистую монету. Например, К. Кокшенева пишет: «Потёмкин первым заговорил о вирусном диктате с помощью литературно-художественной формы. (...) Он рассказал о том опыте, который ещё недавно не был присущ человеку: смотреть на себя как на изделие, которым распоряжается (пусть и доброжелательный в данном случае) микробиом — согласитесь, что это высшая точка цивилизованного нигилизма». Автор предисловия к книге С. Ключников, на мой взгляд, справедливо пишет, что для автора такая позиция, т. е. превращение человека в микроба, — это одна из вариаций на тему «человек отменяется». Так-то оно, может, и так, но...!

На протяжении всего романа, чуть ли не в каждом абзаце автор и его герой (Мышкин) постоянно повторяют слова, якобы характеризующие современного человека: *вещь, товар изделие*. Интересно, а сам автор считает себя товаром или изделием? Об этом в романе ничего не говорится. Есть ещё один вопрос, почему герой, т. е. Д. Мышкин, стремится превратиться в микроб, который

якобы наделён сверхчеловеческим мышлением, а не — скажем — в молекулу или атом? Может быть, у них «мышление» ещё более глубокое?

Но, как всегда у А. Потёмкина, роман насыщен множеством публицистических выступлений и намёков на текущую общественно-политическую ситуацию. Мышкин и его «собеседники» (а он обладает даром телепатической связи) рассуждают на самые разные темы. Например, почему Польше после войны был передан ряд исконно немецких земель. Почему в нашем Центробанке число сотрудников «составляет 46,7 тысячи человек, а в Центральных банках шести ведущих экономик мира — ЕС, ФРГ, Великобритании, Японии, США — их суммарно меньше?» (стр. 112). И это при том, что активы ЦБ РФ в несколько раз меньше. В таких рассуждениях сквозит, конечно, финансовый опыт автора книги. Можно удивляться, что такого рода пассажи вставлены в художественную ткань полуфантастического романа. Но удивляться этому не следует.

Общий смысл творчества А. Потёмкина — это поиск внутренней цельности личности на фоне раздробленного и отчасти угасающего (по мысли автора) мира, — по крайней мере мира торговли и «потребляемости», товаров, купли-продажи и т. д., что, несомненно, ему более известно, чем нам.

В христианстве понятие самоуничужения означает как «кенозис». Является ли «кенозисом» сведение человека к микробу? Напомним, что и князь Мышкин у Ф.М. Достоевского характеризовался как «Идиот». Может быть, что-то близкое микробу? На мой взгляд — нечто близкое к так называемому «маленькому человеку», известному и традиционному герою русской классической литературы.

Само собой разумеется, что А.П. Потёмкин отнюдь не писатель-фантаст, не Жюль Верн, не Г. Уэллс, или хотя бы наш А. Беляев. Этого, к сожалению, не поняли его «критики». На самом деле он — писатель-сатирик, остро и бескомпромиссно высмеивающий в сложившемся современном обществе стереотипы мышления и жизнеустройства. Суть дела в том, что автор понимает нашу современную действительность как своего рода сумасшедший дом. Здесь уместнее всего вспомнить «Шинель» и «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя. Почти безмолвный Акакий Акакиевич из «Шинели» Н.В. Гоголя, практически абсолютно тождественный Дмитрию Мышкину А. Потёмкина горестно восклицал: «“Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?” И что-то странное заключалось

в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нём слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзённый, и с тех пор как будто всё переменялось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых весёлых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: “Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?”»

Честный благородный человек (а именно таков Князь Мышкин у Достоевского — ведь писатель хотел написать в его образе типологически прекрасного человека) оказывается шизофреником с раздвоенным сознанием, потерявшим весь смысл своего существования, кроме безумной мысли «микробного» кенозиса.

В сборник входят и две ранее опубликованные повести «Игрок» и «Стол». Не хочу повторяться, поскольку об «Игроке» я уже писал, но мне кажется, что эти три произведения отнюдь не составляют трилогию, как об этом сообщил в книге автор предисловия Сергей Ключников. Последние две повести, впервые напечатанные давно и хорошо известные современному читателю, — это скорее литературные шаржи, а возможно, автопародии, тогда как роман «Прозрения одиночества» по-настоящему серьёзное произведение. Пожалуй, эпиграфом к нему можно было бы поставить строки из стихотворения О. Боска (<https://stihi.ru/2010/04/29/7479> © Copyright: Олег Боска, 2010):

Что нам (живым) стенанья мертвеца?
Безумный мир, безумные сердца.

Дело не в микробах, не в сумасшествии, а в том, *что* автор хочет сказать о нашей современности. Так, собственно говоря, и должен поступать настоящий писатель.

Санкт-Петербург
20 мая 2021 года